

Строй Лилия Ринатовна

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХУДОЖНИКА Д. И. КАРАТАНОВА

Статья посвящена творчеству живописца Д. И. Каратанова, который в начале XX века определил основные направления художественной жизни Красноярска. На материале ретроспективной периодики и малоизвестных архивных материалов, многие из которых никогда не вводились в научный оборот, обозначаются основные события его творческой деятельности, повлиявшие на культурные процессы как города Красноярска, так и крупных региональных центров. Последнее особенно явно проявилось через становление системы художественного образования, сложение экспозиционных процессов, формирование этнографической науки, развитие сибирской живописи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/4/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(78) С. 192-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ONCE AGAIN ABOUT SYNCHRONICITY: NEW READING OF H. HESSE

Sterledev Roman Konstantinovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Perm State Medical University named after E. A. Wagner
4438767@rambler.ru

Sterledeva Tamara Dmitrievna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University
cenzia@rambler.ru

The article analyzes H. Hesse's novel "The Glass Bead Game" in the aspect of the synchronicity problem. Similar ideas are found in interpretation of synchronicity in the novel by H. Hesse and in works by A. and B. Strugatsky, V. Khlebnikov. A possible method of studying synchronicity based on a certain type of mathematics is suggested. The paper shows importance, on the one hand, of creating synchronicities, and on the other hand, possible danger of synchronous programming for functioning and development of the society in the XXI century.

Key words and phrases: synchronicity; synchronism; "The Glass Bead Game" by H. Hesse; types of mathematical activity; rules of Game; language of Game; hazards of Game.

УДК 7.036

Искусствоведение

Статья посвящена творчеству живописца Д. И. Каратанова, который в начале XX века определил основные направления художественной жизни Красноярска. На материале ретроспективной периодики и малоизвестных архивных материалов, многие из которых никогда не вводились в научный оборот, обозначаются основные события его творческой деятельности, повлиявшие на культурные процессы как города Красноярска, так и крупных региональных центров. Последнее особенно явно проявилось через становление системы художественного образования, сложение экспозиционных процессов, формирование этнографической науки, развитие сибирской живописи.

Ключевые слова и фразы: художник; художественная жизнь; Каратанов; Красноярск; художественная школа; художественная выставка; исследовательские экспедиции; Сибирь; начало XX века.

Строй Лилия Ринатовна, к. искусствоведения
Красноярский государственный институт искусств
Listroy@yandex.ru

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХУДОЖНИКА Д. И. КАРАТАНОВА

Творчество красноярского художника Дмитрия Иннокентьевича Каратанова всегда притягивало внимание историков сибирской культуры. Его имя, последователя художественных традиций Василия Ивановича Сурикова, в одном ряду с мастерами регионального искусства: Г. И. Гуркиным, А. О. Никулиным, Л. А. Чернышевым, А. С. Шестаковым. Изучению наследия красноярского живописца посвящены научные изыскания И. Н. Давыденко, Н. В. Лисовского, П. Н. Мешалкина, М. В. Москалюк, Т. В. Ряннеля. И все же исследования в данном направлении необходимо продолжать для уточнения имеющихся сведений и ликвидации лакунов, в том числе за счет введения в научный оборот редко публикуемых и совсем неизвестных архивных документов. Данная историческая реконструкция позволит значительно расширить, углубить и уточнить сложившиеся представления о культурной жизни региона, истории местного изобразительного искусства и, конечно, о масштабе многогранного таланта Каратанова.

Его яркая художественная индивидуальность, прежде всего, обусловлена любовью к миру сибирской природы. Уроженец села Аскиз Минусинского уезда Енисейской губернии (ныне Хакасия), Каратанов всю свою творческую судьбу посвятил служению регионального искусства, воспевая его самобытность, мощь и красоту. В живописных полотнах и графических листах он выражал душу сибирской тайги, монументальное величие красноярских Столбов¹, вольную ширь хакасских степей, богатырскую силу Енисея.

В его работах нет эффектных ракурсов и надуманных планов. Для каратановских холстов характерна широкая манера письма, лаконичный колорит, эпичность образов, развернутая композиционная панорама, постепенно включающая зрителя в действие изображаемого. Естественность, правдивость и эмоциональная сдержанность выводят искусство красноярского живописца за границы исторического времени. Он, словно философ, ведет с человеком неспешный разговор о вечных ценностях мироздания, погружая его в величественные ритмы многоликих ландшафтов Сибири. В этом творческом акте зритель становится и Созерцателем, и Мыслителем, и со-Творцом.

В художественной галерее образов, созданных Каратановым, есть исторические сюжеты и бытовые жанры, но его самобытное дарование пейзажиста отмечали уже современники. Критики писали, что полотна

¹ Название горного массива, расположенного на окраине города Красноярска.

художника выделяются «выдержанностью сибирских тонов и красок» [19, с. 3] и влюбленностью «в Столбы, в Манские горы, в Енисей, с его хмурыми берегами, в вековую тайгу, в камни. Камни в особенности притягивают нашего художника, и их он изображает, по-видимому, с исключительной любовью; от того они так и живы, и так хороши на его картинах (2 этюда камней, “Дикий камень”, “Развалы”, “На Столбах” и др.). Одинаково хороша в передаче Каратанова и глухая сибирская тайга (“Тайга”, “Тайга у Столбов” и др.). Лучшая из выставленных картин Каратанова – “Чумы”, написанная в суровых тонах, характерных для дальнего севера (Турух. край). От картин веет подлинно мистическим ужасом и подавляющей отрешенностью, и заброшенностью гиблого края. Хмурое и суровое настроение вообще характерно для творчества Каратанова. <...> Сибирь, настоящая Сибирь, хмурая и ласково-величественная чувствуется только у Каратанова и Гуркина. Им она подается, – покоренная талантом влюбленных в нее художников» [20, с. 4].

Природа родной земли обогащала талант живописца. Он, как и его великий предшественник Василий Иванович Суриков, с которым он был знаком с детства [5, д. 116, л. 2], находил вдохновение в уникальной красоте сибирской природы, которую он выражал не только языком изобразительного искусства, но и литературы. В слове, прозаическом по форме и поэтическом по настроению, он создавал зарисовки, следуя живописному методу Сурикова: «Сначала – общее, а потом частное» [22, с. 241]. Таким образом Каратанов выстраивал литературные композиции, одна из них посвящена первым дням сибирской весны: «Особенно чудесно... было весной, когда на берегу, после спада воды, отдельными глыбами лежал ещё лёд. Он таял, пронизываемый горячими лучами солнца, разрыхлялся и, разрушаясь, издавал нежные мелодичные звуки. Ярko искрятся и блестят стрелчатые сосульки, с которых, как бы стараясь скорее перегнуть одна другую, стекают водяные капельки. На деревьях, покрытых уже нежной пушистой зеленью, набухают ароматные липкие почки. От холодной быстрой реки тянет свежестью. Лодки отъезжают от берега. <...> Говор, смех, шумно, весело. Да и природа такая же и весёлая, и ликующая» [2, л. 9].

Литературное наследие Каратанова – малоизученная грань таланта этого неординарного человека, базовое образование которого основывалось на программе 3-х классов городского училища. Природа щедро наделила его качествами, необходимыми для художника – острой наблюдательностью, восприимчивостью к происходящему, внутренней эмоциональностью. Это позволяло мастеру погружаться в глубины собственной памяти, переживать события минувших лет и выражать их столь глубоко и страстно, что образы, описываемые им словом, обретали плоть, запах, цвет, чувства. В литературных зарисовках Каратанова художественная жизнь Красноярска конца XIX века наполнялась идеями, мечтами и деятельностью его современников, в том числе художника Михаила Александровича Рутченко, первого наставника Дмитрия Иннокентьевича.

Рутченко, будучи выпускником Киевской рисовальной школы Н. И. Мурашко и вольнослушателем Петербургской Академии художеств, приехал в Красноярск в 1889 году. По воспоминаниям Каратанова, живописец «быстро перезнакомился и сошелся с нашей интеллигенцией, а также с представителями капитала. Вскоре ему было предложено место преподавателя рисования в здешней мужской гимназии. Не помню, кто до него преподавал там рисование, но знаю, что велось оно очень плохо, но когда за это взялся М. А., то под его руководством дело пошло иначе. Я знал многих гимназистов, бывших моими близкими товарищами, которых он умел направить по этому пути, и они в дальнейшем продолжали усовершенствоваться в столицах» [Там же, л. 102]. С приездом Михаила Александровича в Красноярск совпало и открытие обществом попечения о начальном образовании воскресных рисовальных классов для всех желающих учеников городских школ без различия пола и возраста. Рутченко изъявил готовность безвозмездно взять на себя работу с детьми. Среди них был и юный Каратанов, который, узнав, что в городе остановился профессиональный художник, пошел к приезжему знакомиться. «Войдя в его комнату, я увидел перед собой довольно высокого, с темными волосами и в короткой, несколько вьющейся бороде, и на голове, стройного, с некрупными, но приятными чертами, с чистым лбом, небольшим носом. В общем его лицо можно было назвать красивым, к тому же приятным. Принял он меня приветливо. Спросил кто я и причину прихода. Я в своем ответе, конечно, упомянул, что рисую. На стене висели 2-3 его масляных работы, но содержания их не помню, на стуле стоял ящик с красками в тюбиках. С почтением я созерцал и этого человека, и все принадлежавшие ему предметы» [Там же].

Каратанов стал учиться в рисовальной школе Рутченко. В течение полутора лет он даже жил в семье своего педагога, поскольку его родители были вынуждены уехать работать на Бирюсинские прииски [Там же, л. 101]. Вместе они ходили на пленэр, выполнили заказ по созданию декораций и росписей занавеса театра Красноярска. Впоследствии, благодаря заработанным средствам, юноша в 1892 году поехал учиться в Петербургскую Академию художеств. Когда он вернулся в родной город, его педагог уже жил в Иркутске. Их последняя и случайная встреча произошла в 1916 году, Михаил Александрович «с востока проезжал в Россию и временно остановился в нашем городе. Вместо темноволосого человека, я увидел надломленного семейной жизнью и другими причинами седого старика. О дальнейшей его судьбе я ничего не знаю. Среди знавших его, он о себе сохранил хорошую память» [Там же, л. 107].

Возможно, что желание Рутченко организовать работу Рисовальных классов в Красноярске определенным образом повлияло и на его ученика. В 1910 году по инициативе В. И. Сурикова и при участии Дмитрия Иннокентьевича в Красноярске была открыта первая сибирская художественная школа. Каратанов стал ее ведущим педагогом. Он разработал 4-классную систему художественного образования, «взяв за основу опыт Виленской школы как единственной в России, находящейся в ведении Министерства народного Просвещения» [21, с. 80].

В своей образовательной системе Каратанов использовал педагогический прием М. А. Рутченко – проведение открытых ученических отчетных выставок. Дмитрий Иннокентьевич организовывал экспозиции ежегодно, несмотря на критику прессы. Первая выставка состоялась 11-18 апреля 1911 года, демонстрируя более 300 «этюдов, эскизов, жанровых пейзажей и набросков, исполненных углем, карандашом и масляными

красками» [11, с. 2]. В небольшом количестве была представлена мелкая пластика. И если интонация обозревателей, писавших об этой экспозиции, была нейтральной, то 300 живописных работ, рисунков и чертежей второй ученической выставки, проходившей с 27 по 30 января 1912 года, на критиков произвели «впечатление неряшливой мазни» [18, с. 2]. Отчетную выставку 1914 года (26-28 декабря) назвали удачной благодаря «обильному количеству домашних работ» [14, с. 3]. Работы 1915 года заслужили нелестных слов газетчиков, подчеркивающих, что «любительский тон господствовал повсюду» [17, с. 2], усугубленный теснотой и отсутствием необходимого освещения. Экспозиция 1917 года была «интегрированной» и входила в состав Второй сибирской художественной выставки, посвящённой памяти В. И. Сурикова. Ученические работы не только расширили количественный состав выставки, они насытили творческую среду новыми идеями и постепенно ввели начинающих художников в профессиональный цех.

В 1919 году Рисовальные классы Красноярска взаимодействовали с деятельностью Енисейского союза художников и деятелей прикладных искусств. Ведение активной общественной жизни при природном стремлении к одиночеству – одна из парадоксальных черт личности Дмитрия Иннокентьевича. Суриков, знавший Каратанова с детства, называл его «анакорет» [4, д. 249, л. 3], то есть удалившийся от мира отшельник, который живёт в уединении, по возможности чуждаясь всякого общения с другими. Обладая именно такими качествами, Каратанов был одним из инициаторов создания Товарищества художников Красноярска в начале XX века [3, д. 317, л. 1], участником революционного движения 1905 года [1, л. 100], активным столбиком и, наконец, председателем Енисейского союза художников и деятелей прикладных искусств.

Данное общество было создано мастерами Енисейской губернии в период пересечения нескольких исторических событий, связанных с Первой мировой войной, Революцией 1917 года, Гражданской войной. Художники, объединившись вокруг личности Каратанова, пытались активизировать культурную жизнь Красноярска. В круг их задач входило спасение Рисовальных классов от закрытия, поскольку власти города перестали выделять средства на содержание школы, занятия проходили в доме художника Николая Ивановича Пикулевича [8, с. 4]. Каратанов, получивший когда-то наказ Сурикова растить сибирских художников [6, д. 45, л. 3], искал возможность сохранить школу, в том числе через выручку от проведения профессиональных выставок. Но в стране было не до искусства, и в декабре 1919 года на общем собрании Союза после очередного обсуждения этой проблемы [9, с. 4] было принято болезненное для всех решение – школу закрыть.

В этот сложный период Каратанову предложили работать художником в Красноярском краевом музее [7, д. 7, л. 7], что позволило в полной мере реализоваться его исследовательскому таланту. Тяга Дмитрия Иннокентьевича к художественно-этнографическому изучению Сибири проявилась в 1906 году, когда он совершил первую научную экспедицию. В 1907 году он вместе с профессором В. И. Анучиным ездил в Туруханский край, и его «этюды и зарисовки – были приобретены музеем Александра III, а впоследствии изданы вместе с трудами Анучина. Это – единственный в своем роде художественно-этнографический материал о Енисейском севере. Есть сведения, что часть этих работ попала в музей Чикаго» [16, с. 13]. В 1909 году местные газеты писали о поездке в Туруханский край А. Я. Тугаринова, который отчитывался перед Сибирским Императорским Обществом посредством фотографических снимков и картин Каратанова, представляющих «северные виды тундры, Енисея, тайги печальной, гнетущей, унылой» [10, с. 2]. В 1911 году Каратанов в составе научной экспедиции Дугаринова исследовал низовья Енисея. Экспедиционной практикой живописец занимался до 1940-х годов, о чем сам рассказывал: «Я много в своей жизни ездил, путешествовал. Никогда не сидел на одном месте, искал темы, типажи. <...> Сибирь, ее просторы, природа и своеобразная, захватывающая романтика – лучшая академия для... творчества» [6, д. 45, л. 1].

Этнографическая работа расширяла художественные взгляды Каратанова, удовлетворяла творческую потребность в новых впечатлениях, позволила создать целую галерею Сибири: от панорамных полотен до быстрых этюдных зарисовок. И, конечно, музейный мир позволил мастеру выжить физически и морально в сложнейший период российской истории, «когда каждый день были десятки повешенных, немногие из художников оказались на высоте. Большинство ушли в себя. <...> Немногие эмигрировали. Многие же остались, вынесли ледниковый период» [15, с. 206]. Каратанов, потомок древнего польского рода по материнской линии¹, стойчески пережил невзгоды времени, личную неустроенность, необходимость одному воспитывать дочь, отсутствие собственного угла. При этом он не терял вкуса к жизни, чувства юмора и искренней привязанности к товарищам, а также надежды на восстановление деятельности Рисовальных классов. Шанс представился в 1935 году во время встречи секретаря крайкома ВКП(б) товарища С. Т. Голюдова с художниками Красноярска по поводу подготовки мероприятий, посвященных 20-летию со дня смерти Василия Ивановича Сурикова. Вместе с Д. И. Каратановым вопрос обсуждали мастера Поляков, Шестаков, Матвеева, Петраков. От них секретарь краевого комитета партии узнал о существовании в 1910-1919 годах Красноярской художественной школы и о её связи с именем Сурикова. Голюдов предложил в следующем – 1936 году открыть Рисовальные классы в доме знаменитого сибиряка. В этой усадьбе, после смерти матери и брата Сурикова Александра Ивановича, жили посторонние люди. Голюдов не имел права выселить этих жильцов, но содействовал тому, что большой амбар, расположенный во внутреннем дворе, переделали и приспособили «для студии... для любителей... имеющих задатки. <...> вся студия будет разделена на начальное отделение, среднее и высшее, где будут учиться художники-самоучки, которые сейчас уже работают, но нуждаются в теоретических познаниях» [5, д. 116, л. 3].

В 1936 году первый набор художественной школы составил 60 обучающихся, «в основном это были студенты вузов и техникумов, рабочие промышленных предприятий города» [12, с. 1]. И несмотря на то,

¹ Мать Каратанова, Павла Николаевна Сабесская, в возрасте 8 лет вместе с матерью Екатериной Мартыновной и двумя ее братьями была сослана из города Вильно (ныне Вильнюс) в Красноярск по делу польского бунта 1863 года.

что деятельность учреждения на пять лет прервала Великая Отечественная война, художественное образование Красноярска стремительно развивалось после 1945 года при участии Дмитрия Иннокентьевича, первым из сибирских художников удостоенного звания заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Вклад Каратанова в развитие культуры Сибири огромен. Через его образовательную систему проходили люди «от 15 до 40 летнего возраста... Оттуда вышли художники, работающие и сейчас по искусству: Поляков, Вошакин, Лекаренко, Журавлев, Попова-Ветрова, Троицкий (умер), Пирожников, Коврижкин (Москва), Богдановский (Берлин), Сидоров, Зубковский (Париж), Сибирцев, Басин (ВХУТЕМАС), Вас. Никонов, Иванов-Радкевич, Липин (академия). Он создал школу. Все его ученики искусство не бросили и продолжают работать в этой области» [15, с. 228]. Манера его преподавания была комфортной для детей: они, рисуя, вместе пели на уроках [23, с. 132], а значит, были эмоционально свободны, раскованны, едины. Позже учившиеся у него мастера подчеркивали, что «встречи с ним запоминались. Вспоминая его метод обучения, думаю, что ценность его заключалась не только в том, как надо построить, а главным образом в том, для чего это нужно, что искусство – это не красивые картинки, а отображение подлинной, реалистической правды. <...> Как преподаватель, исправляя или указывая на ошибки в наших работах, всегда чутко и бережно относился к нам, своим ученикам, заботливо оберегая индивидуальные особенности каждого» [13, с. 117].

Такое же отношение к мирозданию он проповедовал собственным искусством – не вмешиваться творческими экспериментами в жизнь природы, а наблюдать, вслушиваться, вживаться в ее настроение, законы существования, самобытные ритмы. Его художественный талант обогащался пытливостью исследователя, и живопись «покоряла» разноликую Сибирь – в ее девственной скромности, первобытной мощи, философской созерцательности.

Имеет культурную ценность и рукопись красноярского художника, в которой он отмечал: «То, что я писал, это, прежде всего, я делал для своего, какого-то внутреннего удовлетворения, но я думаю, что если кто-нибудь это прочтет, и особенно, если он интересуется жизнью исчезнувшего быта и людей, творивших этот быт, то может быть найдет что-нибудь, хоть немного из всего написанного, кое-что достойного небольшого внимания» [2, л. 99].

Масштаб Каратанова в истории регионального искусства не ограничивается пространством Красноярска и не исчерпывается первой половиной XX века. Дмитрий Иннокентьевич, внедряя экспозиционные практики в городскую среду, способствуя развитию этнографической науки, влияя на общественно-творческие процессы, занимаясь литературным творчеством и, наконец, формируя систему художественного образования региона, более века назад запустил долгосрочные творческие процессы, которые и сегодня продолжают определять развитие современного искусства Сибири.

Список источников

1. Архив Красноярского краевого краеведческого музея (АКККМ). О/ф 6689-1/Д 3690.
2. АКККМ. О/ф 12020/Д 9709.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 3.
4. ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1.
5. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1.
6. ГАКК. Ф. П-1006. Оп. 1.
7. ГАКК. Ф. Р-2270. Оп. 1.
8. Енисейский вестник. 1919. 11 ноября.
9. Енисейский вестник. 1919. 13 декабря.
10. Красноярец. 1909. 25 апреля.
11. Красноярская мысль. 1911. 8 апреля.
12. Красноярский комсомолец. 1936. 2 октября.
13. Лисовский Н. В. Сибирский художник Д. И. Каратанов. Красноярск: Книжное изд-во, 1974. 147 с.
14. Отклики Сибири. 1915. 15 января.
15. Первый сибирский съезд художников // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 204-231.
16. Ряннель Т. Художник Каратанов. Красноярск: Красноярское краевое издательство, 1948. 22 с.
17. Сибирская жизнь. 1915. 5 февраля.
18. Сибирская мысль. 1912. 30 марта.
19. Сибирская мысль. 1916. 27 февраля.
20. Сибирская мысль. 1916. 4 марта.
21. Строй Л. Р., Москалюк М. В. Художественная жизнь Сибири 1870-1920-х годов. Красноярск: Литерапринт, 2010. 188 с.
22. Суриков В. И. Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Искусство, 1977. 384 с.
23. Шаповалова Л. И. С суриковским паутствием – Андрей Шестаков. Красноярск: ИД «Класс Плюс», 2015. 176 с.

CREATIVE HERITAGE OF THE ARTIST D. I. KARATANOV

Stroi Liliya Rinatovna, Ph. D. in Art Criticism
Krasnoyarsk State Institute of Arts
Listroy@yandex.ru

The article is devoted to creativity of the artist D. I. Karatanov, who at the beginning of the XX century determined the main directions of artistic life of Krasnoyarsk. On the basis of retrospective periodicals and little-known archival materials, the majority of which have never been introduced into scientific use, the key events of his creative activity are designated that affected the cultural processes of Krasnoyarsk and the main regional centres. The latter was clearly manifested through formation of the system of art education, exposition processes, the ethnographic science, development of Siberian painting.

Key words and phrases: artist; artistic life; Karatanov; Krasnoyarsk; art school; art exhibition; research expeditions; Siberia; beginning of the XX century.